

УДК 343.13



БАЖАНОВ СТАНИСЛАВ ВАСИЛЬЕВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник
Научно-исследовательского Института
Академии Генеральной прокуратуры
Российской Федерации

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР ЗА ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ ОРГАНОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Түйін. Бұл мақалада автор қадағалау және қылмыстық ізге түсу қызметтерінің ара-қатынасы жағдайында қылмыстық істерді қозғау және алдын ала тергеу са-тысында прокурордың жеке құзыреттері сараланады.

Түйінді сөздер: прокурор, қадағалау, қылмыстық қудалау, қылмыстық іс жүр-гізу, қылмыс.

Аннотация. В данной статье автором анализируются отдельные полномочия прокурора в стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного рассле-дования в плане соотношения приписываемых ему функций надзора и уголовно-го преследования.

Ключевые слова: прокурор, надзор, уголовное преследование, уголовный процесс, преступление.

Annotation. This article analyzes the individual powers of the prosecutor in a stage of beginning of criminal case and preliminary investigation in terms of the ratio of supervision attributed to him, and prosecution functions.

Key words: prosecutor, supervision, prosecution, criminal procedure prosecuting crime.

Как известно, большинство российских ученых исходит из признания наличия в уголовном процессе трёх основополагающих функций:

- 1) обвинения (уголовного преследования),
- 2) защиты от обвинения, а стало быть (в представленном варианте) и от уго-ловного преследования, и
- 3) разрешения уголовного дела по существу[1].

Данный перечень, по глубокому убеждению автора настоящей статьи, подле-жит переосмыслению, поскольку в указанном виде он явно не удачен.

Во-первых, термин «обвинение», трактуемый в УПК РФ и в отраслевой теории как решение и действие, не может расцениваться в качестве аналоговой функ-ции уголовного преследования, реализуемой посредством уголовно-процессу-альной деятельности. Мало приемлемой в смысле сказанного является и ныне



отвергнутая, правда из других соображений, функция расследования, поскольку официальным путём, как известно, раскрывается лишь 1,5 – 2,0% от общей массы регистрируемых преступлений.

Во-вторых, нуждается в корректировке название функции «защита от обвинения», поскольку логичнее было бы говорить о состязании в уголовном процессе стороны обвинения и стороны обвиняемого.

В-третьих, не может восприниматься однозначно и функция разрешения уголовного дела по существу, трактуемая отдельными авторами в качестве суррогатной к функции правосудия; внимательное ознакомление с её наименованием в не меньшей степени вызывает ассоциации, связанные не с уголовно-процессуальной деятельностью, а опять-таки с разовым решением (и действием), преломляемым в итоговом процессуальном документе (как правило, в приговоре).

Вызывает возражения дифференциация уголовно-процессуальных функций и на такие их разновидности как расследование уголовного дела (тем более, что расследуется не уголовное дело, а преступление. – прим. авт), поддержание гражданского иска, защита от него и т.д. [2], поскольку в означенном виде они, по крайней мере, последние две, являются частными и к числу основных отнесены быть не могут.

Исследуя феномен функций в приложении к прокурорской надзорной практике, нельзя не учитывать того, что в юридической литературе под функцией прокуратуры принято подразумевать вид деятельности, предопределяемый её социальным предназначением, выраженным в ее задачах, характеризующийся определенным предметом ведения, направленный на решение этих задач и требующий использования присущих ей полномочий и правовых средств [3]. При этом разграничение предмета прокурорских полномочий в сфере исполнения законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, и органами дознания, которые в пункте 1 части 1 статьи 40 УПК РФ по недоразумению отождествляются, распространяется и на оперативно-розыскное сопровождение предварительного расследования, производимое в форме дознания. Объясняется данное обстоятельство тем, что функция оперативно-розыскной деятельности в её первоначальном виде к числу уголовно-процессуальных отнесена быть не может [4], несмотря на то, что реализуется она, как считают отдельные исследователи, всё теми же органами дознания, выступающими в ипостаси органов внутренних дел.

Стало быть, в контексте доктрины прокурорского руководства уголовным преследованием, осуществляемым наряду с органами дознания и предварительного следствия и оперативно-розыскными органами (в пределах предопределяемой им компетенции), взаимное размежевание понятий «органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность» и «органы дознания» становится неизбежным.

Некоторые ученые, воспринимая их в качестве синонимов, утверждают, что выполнение оперативно-розыскных мероприятий в целях выявления преступлений и лиц, их совершивших, закреплено в уголовно-процессуальном законе [5]; следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия являются равнозначными компонентами дознания, поскольку указаны в УПК РФ [6]; оперативно-розыскные мероприятия также как и следственные действия, осуществляются одним и тем же субъектом – органом внутренних дел и т.д. [7]. Проистекая из подобных умозаключений, в теории уголовно-процессуального права и множатся иллюзии, согласно которым попытки привнести в содержание дознания оперативно-розыскной дух не лишены якобы некоего здравого смысла. Их приверженцы ратуют за недопустимость отделения оперативно-розыскной деятельности от

уголовного процесса, ибо законодатель «...в большинстве своем мудр или, по крайней мере, логичен» [8].

Другие авторы характеризуют дознание как предусмотренную законом оперативно-розыскную, процессуальную и иную деятельность уполномоченных на то законом государственных органов и их должностных лиц в целях обнаружения преступлений и лиц, их совершивших [9], игнорируя таким образом диаметрально противоположную точку зрения, согласно которой оперативно-розыскные мероприятия лежат за пределами дознания, поскольку не имеют процессуального характера, а дознание представляет собой исключительно процессуальную деятельность [10].

Вступая в полемику на сей предмет желательно иметь в виду одно чрезвычайно важное обстоятельство, заключающееся в том, что с момента вступления в силу автономного оперативно-розыскного законодательства (1992 - 1995 гг.) оперативно-розыскная деятельность приобрела полное право на вполне обособленное существование в отечественной правовой системе.

В свете изложенного доктрина прокурорского руководства дознанием (прокурорского дознания) приобретает более запутанный вид, что требует от её сторонников разработки особого правового статуса для органов внутренних дел, выступающих под данной, строго говоря, административной «личиною» и в оперативно-розыском, и в уголовном процессах [11].

Сказанное в какой-то мере нейтрализует наметившиеся в отраслевой теории потуги к упрочению в уголовно-процессуальном законодательстве правового положения прокурора как методического руководителя уголовным преследованием в рамках порочной концепции так называемого прокурорского дознания. Сделать же это (или не делать этого) разумно было бы гораздо проще, если бы адепты подобных умонастроений в обоснование своих доводов приводили более веские аргументы, черпаемые из анналов сформировавшегося уголовно-процессуального понятийного аппарата. Речь идет о предварительном расследовании в форме дознания, а не об уголовном преследовании в форме дознания, осуществляемом соответствующими государственными органами (дознания).

Уголовно-процессуальные функции нередко подразделяются на основные и обеспечительные (вспомогательные), что при первом приближении не противоречит нормам УПК РФ. Однако при любом исходе участники уголовного процесса, особенно властные, не должны выполнять функций, не являющихся отраслевыми по определению [12].

В разное время и в разных научных публикациях автор настоящей статьи уже обращался к точке зрения профессора М.С. Строговича, который увязывал прокурорский надзор за исполнением законов органами предварительного расследования с руководством оным [13], хотя в контексте теории управления правильнее было бы говорить о руководстве соответствующими должностными лицами, что весьма важно. Преобладание в теории уголовно-процессуального права на протяжении второй половины XX в. умонастроений такого рода, по всей видимости, и оказало решающее воздействие на отношение российских ученых к вопросу о предназначении прокуратуры и выполняемых ею в досудебных стадиях функциях. По данному поводу в юридической литературе сформировались две конкурирующие позиции [14].

Первая из них предлагает заимствование опыта правоохранительных органов западных государств, преимущественно англосаксонских, с перенесением его на российскую почву. Её сторонники считают, что прокуратура в лице прокуроров должна осуществлять только уголовное преследование и процессуальное руко-



водство органами расследования, а также поддержание государственного обвинения в суде[15].

Сторонники второй линии придерживаются иной точки зрения, согласно которой при определении правового статуса прокуратуры следует исходить из исторических традиций, национальных особенностей российского общества и потребностей ее нынешнего развития. По их представлениям она (прокуратура) является универсальным государственно-правовым институтом, осуществляющим надзор за законностью и только[16].

В статье 1 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации», функция руководства уголовным преследованием в её «чистом виде» не упоминается; в числе полномочий рассматриваемого ведомства здесь названы:

- надзор за исполнением законов;
- уголовное преследование;
- координация деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью;
- участие в рассмотрении дел судами;
- внесение представлений (жалоб) на противоречащие закону решения, приговоры, определения и постановления судов;
- участие в правотворческой деятельности и др. [17].

Не мудрено поэтому, что Ф.М. Кобзарев, комментируя её содержание, констатирует, что целями прокуратуры (в указанной норме) определены обеспечение верховенства закона, единства и укрепления законности, защита прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства. На их достижение направлена вся деятельность прокуратуры, осуществляемая посредством реализации конкретных функций. В сфере борьбы с преступностью, завершает он свою мысль, на неё возложены функции уголовного преследования, координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью, участия в соответствии с процессуальным законодательством в рассмотрении дел судами и опротестование противоречащих закону решений, приговоров, судебных приказов, определений и постановлений судов[18]. Таким образом, и в Федеральном законе «О прокуратуре Российской Федерации», и в частных комментариях к нему – руководство уголовным преследованием, как прокурорская функция, не провозглашается, что, как правовая позиция, достойно всяческого одобрения и поддержки.

Автору настоящей статьи импонирует точка зрения профессора В.П. Рябцева, рассматривающего функцию прокуратуры как «...такой вид ее деятельности, который предопределяется социальным назначением..., выраженным в ее задачах» [19]. Эта же мысль высказана им, совместно с С.И. Герасимовым, в Модельном законе о прокуратуре, где в числе функций названного ведомства, в части борьбы с преступностью, выделяются следующие: «... 3) надзор за соблюдением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность; 4) надзор за соблюдением законов при осуществлении дознания и предварительного следствия; 5) надзор за соблюдением законов администрациями соответствующих органов и учреждений при исполнении меры пресечения в виде содержания под стражей, уголовных наказаний и назначаемых судом мер принудительного характера; 6) расследование преступлений; 7) участие в рассмотрении дел судами; 8) координация правоохранительной деятельности по борьбе с преступностью...»[20].

Анализ изменений в предмете ведения прокурорских подразделений, пишет профессор В.П. Рябцев в другом своём научном труде, обнаруживает ряд показательных тенденций. Если ранее главными критериями их создания были орган государственного управления и соответствующая функция - отрасль надзора, то в последние годы все более отчетливо проявляется иная, заключающаяся в выделении достаточно устойчивых задач, приоритетов деятельности, в соответствии с теми сферами правовых отношений, которые предопределяют общее состояние законности на длительных этапах государственного и общественного развития страны. В связи с этим, резюмирует он, актуализируется управленческий принцип минимизации в составе органов прокуратуры подразделений, не осуществляющих надзорные и иные «внешние» функции [21]; предметом управления здесь выступает система «работник прокуратуры - деятельность по осуществлению прокурорского надзора». Управление нужно там и тогда, где и когда имеется совокупный труд нескольких человек, причем управление связано с процессами, совершающимися в самой системе, и может реализоваться через людей [22].

Адекватной точки зрения придерживаются Ю.А. Дмитриев и М.А. Шапкин, утверждающие, что: «... функция прокуратуры – вид деятельности, которая определяется ее предназначением, характеризуется определенными предметами ведения и требует использования присущих ей полномочий, правовых средств и процедур» [23].

Вместе с тем, небызывестны и другие воззрения. Так, на взгляд Т.К. Рябининой, «Уголовно-процессуальные новеллы 2007 года свидетельствуют о том, что законодатель, увлекшись реформированием процессуального положения прокурора, в итоге продекларировав две ставшие уже традиционными функции надзора за соблюдением законности в ходе производства по уголовному делу на всех его стадиях и функцию уголовного преследования, но изменив при этом полномочия прокурора и расширив полномочия руководителя следственного органа, так эти функции урезал, что появляется сомнение в их реальном существовании» [24]. Свидетельством тому складывающаяся практика взаимоотношений должностных лиц некоторых правоохранительных ведомств, в рамках которых руководители следственных органов исходят из ложных представлений, в частности, о том, что положения части 6 статьи 162 УПК РФ позволяют им произвольно и неоднократно устанавливать сроки дополнительного следствия после возвращения (по указанным основаниям) уголовного дела прокурором. Так, при выборочном ознакомлении с архивными уголовными делами автором настоящей статьи был выявлен случай, когда постановление следователя о прекращении производства в отношении обвиняемого Б. по основаниям, предусмотренным пунктом 2 части 1 статьи 24 УПК РФ, выносившееся следователем 14 января 2013 г., руководителем следственного органа было отменено с установлением дополнительного срока следствия (на 1 месяц с момента поступления к следователю). Впоследствии данное уголовное дело, но уже с обвинительным заключением, дважды возвращалось им же следователю для доследования.

Не отстал от ведомственного руководителя в своей принципиальности и надзирающий прокурор, выявивший «свою» (очередную) порцию нарушений уголовно-процессуального законодательства, в целях устранения которых, руководствуясь пунктом 2 части 1 статьи 221 УПК РФ, он повторно вернул указанное уголовное дело для дополнительного расследования[25].

Подобные, распространенные в прокурорско-надзорной и следственной практике «чудесные» случаи, позволяют сформулировать, как минимум, два занима-



тельных вопроса. Первый – неужели заслуживает положительной оценки опыт, когда руководитель следственного органа дважды возвращает уголовное дело для дополнительного расследования «своему» же следователю. Не проще ли изначально согласовать вопрос об окончании производства по уголовному делу, а уже затем составлять итоговый процессуальный документ?

И, второй, аналогичный первому, но в приложении к прокурору, если рассматривать его в качестве формального руководителя так называемым уголовным преследованием?

Тем не менее, завидная настойчивость отдельных исследователей, позиционирующих прокурора в качестве руководителя уголовного преследования в теории уголовно-процессуального права и прокурорского надзора сохраняется. Так, например, А. Гурин убежден в том, что в связи с принятием Федерального закона от 05.06.2007 № 87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и в Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации», прокурор в досудебных стадиях уголовного процесса перестал активно влиять на ход расследования, поскольку «...фактически утратил полномочия руководителя и организатора уголовного преследования» [26]. Очевидно, что названный автор присоединяется к А. Кругликову, склоняющемуся к тому, что анализ уголовно-процессуального законодательства приводит к однозначному выводу о том, что «... прокурор в уголовном судопроизводстве не только осуществляет уголовное преследование от имени государства, но и руководит уголовным преследованием, которое осуществляют следователи и органы дознания» [27].

С поправкой на время, в условиях которого высказывались отмеченные умозаключения, а также на последовавшие изменения федерального законодательства, автор настоящей статьи считает возможным выдвинуть тезис о том, что возложение на прокуроров всех декларируемых ныне функций в теоретическом плане решительно никого и ни к чему не обязывает. Другое дело, когда подобная, навязываемая им «многофункциональность», предполагается к реализации в практической плоскости. Здесь руководство уголовным преследованием по всем без исключения уголовным делам, расследуемым органами дознания и предварительного следствия в пределах прокурорской юрисдикции, выглядит как фантом («призрак») в умах переученных «архитекторов перестройки», страдающих зудом реформаторства, от «светлого» лика которого никак не могут избавиться их сподвижники и соратники по перу.

Вопреки закону, можно сказать и больше: нет решительно никаких оснований для прокламации того, что прокуроры обязаны осуществлять и уголовное преследование, на что автор настоящей статьи неоднократно обращал внимание «практикующих юристов» в других своих публикациях на эту тему [28].

Своеобразную позицию в данном вопросе занимают составители учебника по уголовно-процессуальному праву (2003), заявляющие, что полномочия следователя позволяют ему самостоятельно проводить предварительное следствие или дознание независимо от других органов, организаций и лиц, но под надзором прокурора и руководством начальника следственного отдела. Прокурор, подчеркивают они, надзирает за исполнением законов следователем. Однако в скорости, по ходу дальнейшего изложения материала, они приходят к ложному, на взгляд автора настоящей статьи, выводу о том, что прокурор вправе осуществлять процессуальное руководство органом предварительного следствия, равно как и другими государственными органами уголовного преследования [29].

Особых комментариев заслуживает позиция А.Н. Балашова, считающего, что в связи с широкими полномочиями прокурора при расследовании преступлений сложилась концепция, много лет преобладающая в научной литературе. Её суть сводится к тому, что прокурор осуществляет надзор и руководство деятельностью органов расследования; прокурорский надзор есть ничто иное, как оперативное или процессуальное руководство ими; осуществляется он не параллельно с руководством, а в сочетании с ним. Стало быть, в досудебном производстве прокурор является руководителем уголовного преследования, одновременно осуществляя надзор за таковым, констатирует названный ученый [30].

Представляется, что данное, оправданное «своим» временем видение, в условиях реалий сегодняшнего дня поддерживать заслуживать не должно, поскольку еще в начале XX в. основоположниками прокурорского надзора акцент делался на том, что осуществляя его, прокуроры «никакими административными полномочиями» в отношении поднадзорных им объектов (органов и учреждений) не наделяются, в то время как функция (внесистемного) прокурорского руководства (управления), декларируемая в трудах названного и некоторых других, в том числе современных авторов, составляет предмет ведения исключительно административной науки. Поэтому процитированные оценки А.Н. Балашова нуждаются в более развернутых комментариях, поскольку низводят прокурорский надзор до административного руководства предварительным расследованием. В методологическом плане такой подход представляется неприемлемым, поскольку смешивает две разноплановые формы деятельности прокуроров, не говоря уже о возлагаемой на них функции предупреждения преступлений [31].

В теории же всё остается по-старому. Так, по мнению Г.Д. Беловой, будучи руководителем уголовного преследования, наделенным властно-распорядительными полномочиями, прокурор имеет возможность независимо от следователя поручать органу дознания по любому уголовному делу производство следственных действий, а также давать ему указания о проведении оперативно-розыскных мероприятий (п. 11 ст. 37 УПК РФ) [32]. Того же мнения придерживается и Е.Д. Болтошев, отталкивающийся в своих рассуждениях от признания того, что в современных условиях особую значимость приобретает «...функция прокурора по процессуальному руководству расследованием...». Она «...осуществляется прокурором на протяжении всего расследования, реализуется им независимо от ведомственной принадлежности следователей, и должна сохраниться и в ситуации, если будет создан единый следственный комитет» [33].

Думается, однако, что проблему прокурорского руководства уголовным преследованием в досудебных стадиях уголовного процесса было бы логичнее изучать с позиций научной организации труда (НОТ), сущность которой, как известно, заключается в разработке и внедрении на рационалистической основе рекомендаций по совершенствованию соответствующего технологического процесса с целью повышения его эффективности при максимальной экономии рабочего времени и человеческой энергии. Совокупность отмеченных закономерностей, по верному определению профессоров А.И. Михайлова, Л.А. Соя-Серко и А.Б. Соловьева, образует предмет НОТ [34], особенность которого в судебно-прокурорской практике сводится к тому, что она (эта практика) приобретает исключительно «человеческий характер» в виду нереальности внедрения техники в наиболее трудоемкие операции, ей присущие.

Значительную помощь в оптимальном разрешении комментируемой проблемы мог бы оказать и трезвый взгляд на концепцию так называемого процессуального руководства, но не уголовным преследованием, не предвари-



тельным расследованием и даже не следователями. Дело в том, что присущая любому руководителю потенциальная возможность властного воздействия на подчиненных ассоциируется обычно (у исследователей) со строго определенным арсеналом властно-распорядительных полномочий. Последние, в совокупности образуют то, что в теории управления принято именовать административным ресурсом, включающим в себя различные меры принуждения, а не убеждения, в большей степени свойственного надзорным правоотношениям. Характер «взаимосвязи» здесь иной, как бы не ухитрились его интерпретировать отдельные мыслители, рассуждающие на эту тему вслух.

Список литературы:

1. Уголовный процесс: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / под ред. В.П. Божьева. 3-е изд., испр. и доп. М., 2002. С. 13.
2. Рахунов Р.Д. Участники уголовно-процессуальной деятельности. М., 1961. С. 51.
3. Прокурорский надзор в Российской Федерации: учебник / под ред. А.А. Чувилева. М.: Юристъ, 1999. С. 65.
4. Якубович Н.А. Процессуальные функции следователя в уголовном судопроизводстве. М., 1980. С. 15.
5. Абдумаджидов Г. Расследование преступлений. Процессуально-правовое исследование. Ташкент, 1986. С. 70.
6. Милиция как орган дознания: учебное пособие. Киев, 1989. С. 14.
7. Гуткин И.М. Некоторые вопросы теории и практики применения законодательства об органах дознания // Формы досудебного производства и их совершенствование. Волгоград, ВСШ МВД СССР, 1989. С. 78.
8. Поляков М.П., Попов А.П., Попов Н.М. Уголовно-процессуальное использование результатов оперативно-розыскной деятельности. Проблемы теории и практики / под ред. В.Т. Томина. Пятигорск, Изд-во ПГЛУ, 1998. С. 6 – 9.
9. Семенов В.М. Суд и правосудие в СССР. М., 1984. С. 253.
10. Ларин А.М. Расследование по уголовному делу. Планирование, организация. М., 1970. С. 14.
11. Бажанов С.В. Основные направления совершенствования взаимодействия органов предварительного расследования в условиях следственно-оперативных групп: учебное пособие. Владимир, ВЮИ МВД РФ, 1998. С. 12 – 18.
12. Гончан Ю.А., Сереброва С.П. Функции и уголовно-процессуальные правоотношения // Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы методологии и практики расследования экономических и иных преступлений: материалы межрегиональной научно-практической интернет-конференции. Н. Новгород, НА МВД России, 2008. С. 261 – 265.
13. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. М.: Наука, 1968. Т. 1. С. 214 – 217.
14. Шалумов М.С. Функции прокуратуры // Государство и право. 1995. № 6. С. 154.
15. Точиловский В.Н. О концепции прокурорской власти: проблемы и перспективы // Советское государство и право. 1990. № 9. С. 45 – 46.
16. Клочков В.В., Скворцов К.Ф., Михайлов А.И. Выступления на «круглом столе» журнала «Государство и право». 1994. № 5. С. 3 – 34.
17. СЗ РФ. 1995. № 47. Ст. 4472; об этом см. также: Авдеев В.Н., Шелег Д.И. Прокурорский надзор: курс лекций / под ред. В.Л. Попова. М.: ИМЦ ГУК МВД

России, 2004. С. 54.

18.Кобзарев Ф.М. Правовой статус российской прокуратуры и проблемы его развития: лекция. М.: Институт повышения квалификации руководящих кадров Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2002. С. 6, 7.

19.Рябцев В.П. Функции и направления деятельности органов прокуратуры // Российский прокурорский надзор / под ред. А.Я. Сухарева. М., 2001. С. 59.

20.Герасимов С.И., Рябцев В.П. Модельный закон о прокуратуре (проект). М.: НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре Российской Федерации, 2000. С. 14, 15.

21.Рябцев В.П. Научные основы организации и управления в органах прокуратуры // Вопросы теории управления в органах прокуратуры: сборник научных трудов. М.: НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре Российской Федерации, 1997. С. 5.

22.Вопросы совершенствования организации работы в прокуратуре: материалы научно-практической конференции прокуратуры Иркутской области. Иркутск: Восточно-сибирское книжное издательство, 1976. С. 7.

23.Дмитриев Ю.А., Шапкин М.А. Правоохранительные органы. М., 2002. С. 170.

24.Рябинина Т.К. И вновь к вопросу о правовом статусе прокурора в уголовном судопроизводстве // Уголовное судопроизводство. 2008. № С. 34

25.Из личных архивов автора настоящей статьи.

26.Гурин А. Совершенствование механизма прокурорского надзора в уголовном процессе // Законность. 2013. № 10. С. 21.

27.Кругликов А. Полномочия прокурора по возбуждению уголовного дела и осуществлению уголовного преследования // Законность. 2012. № 1. С. 12 – 16.

28.Бажанов С.В. Научно-теоретические основы правового положения прокурора в уголовном процессе Российской Федерации // Вестник Академии права и управления. 2016. № 3 (44). С. 11 – 14.

29.Уголовный процесс: учебник / А.С. Александров, Н.Н. Ковтун, М.П. Поляков, С.П. Сереброва / научн. ред. В.Т. Томин. М.: ЮрайтИздат, 2003. С. 107, 108.

30.Балашов А.Н. Проблемы прокурорского надзора за исполнением законов органами дознания и предварительного следствия при расследовании преступлений: дис...доктора юрид. наук. М.: Институт повышения квалификации руководящих кадров Прокуратуры СССР, 1990. С. 46.

31.Алексеев А. Должна ли прокуратура заниматься предупреждением преступлений? // Законность. 2002. № 1. С. 9.

32.Белова Г.Д. Прокурорский надзор за уголовно-процессуальной деятельностью органов дознания: лекция. М.: ИПКРК Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2004. С. 18.

33.Болтошев Е.Д. Функции прокурора в досудебных стадиях уголовного процесса: дис... канд. юрид. наук. М.: НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре Российской Федерации, 2002. С. 147.

34.Михайлов А.И., Соя-Серко Л.А., Соловьев А.Б. Научная организация труда следователя. М.: Юридическая литература, 1974. С. 7 – 12.